

31 янв. 1984

ТАКОЙ ЧЕЛОВЕК

Б. САРНОВ

Из писем и дневников Аркадия Гайдара

Аркадий Гайдар

среди них самая главная — Мур-мура...».

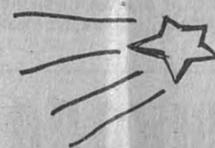
(Из Малеевки. Дом отдыха писателей. Зима 1936 года).

«Здравствуйте, плохие люди! Почему вы мне не пишете? Напишите про свою жизнь».

Я вчера ходил в лес. Медведя, волка и лисицу не видел, но зато видел на заборе живого воробья».

У нас здесь живут люди с двумя ушами. По ночам они ложатся спать, а днем их кормят сырыми яблоками, вареной картошкой и жареным мясом. Мыши здесь ночью не ходят, потому что все заперто...»

(Михайловское. 6 февраля 1936 года).

«Здравствуйте, ребяташки, веселые детишки! Одна рыжеватая, а другая косматая. Жить нам здесь очень плохо. Погода стоит какая-то дурацкая: ни снега, ни мороза, а сплошная теплынь. Кроме того, из окон нашей комнаты не видно ни сугробов, ни ребятшек с санками, а только одна сплошная зелень да синее море».

Кормят нас здесь тоже плохо: все разные пирожки да шашлыки, печенье да варенье, а черного хлеба не дали, жадюги, еще ни кусочка».

Хоть бы вы нас, бедненьких, пожалели! А если не пожалеете, то мы рассердимся и снимем на все лето дачу на берегу моря и заставим вас жить с нами. Вот тогда попробуете! Сразу завоете. С одной стороны — море, с другой — горы, с третьей — пальмы, а с четвертой — виноград, мармелад, яблоки, черешни, малина, орешки, персики, бергамот — прямо-таки не знаешь, чего засунуть в рот...»

(Из Ялты. Дом писателей. Февраль 1937 года).

ДОРЕ МАТВЕЕВНЕ ГАЙДАР (1938—1940)

«...Несколько дней я прожил в большой тревоге. Никак не мог подойти к работе. Брало отчаяние, хотелось бросить и вернуться в Москву, а зачем — не знаю. И только сейчас в голове прояснилось, работа показала и важной и интересно. Трудно предсказать, но, вероятно, и на этот раз с работой я справлюсь хорошо».

Материально — много она мне не даст. Но я об этом сейчас даже не хочу думать. Бог с ней, с материей, — было бы на душе спокойно».

Я вернусь с чистой совестью, что сделал все».

Если бы ты знала, сколько мук доставляет мне моя работа! Ты бы много поняла, почему я подчас бываю дик и неуравновешен».

И все-таки я свою работу как ни кланю, а люблю и не променяю ни на какую другую на свете».

Как я живу? Я встаю. С полчаса до завтрака гуляю по лесу. Лес желтый, но и зелени еще много. После завтрака сразу же сажусь за работу, за час до обеда кончаю, немного погуляю, сыграю партию в бильярд. После обеда очень тихо, и я с наслаждением читаю. Вечером, после ужина, я опять работаю, но уже немного. Вчера пошел в лес, зажег костер, сидел и грел руки...»

(Из Малеевки. Дом отдыха писателей).

«Писем от тебя еще не получал — жду сегодня. Вчера с Рувимом и Борькой ночевали в лесу на берегу речки. Настроение у меня несколько тревожное. Послал две телеграммы на Дальний Восток — не отвечают. Боюсь, что подведут, и останемся мы с тобой «на хлебеце». Я-то человек терпеливый и могу просидеть целый «месец», а ты можешь зачухнуть, загоревать и ввиду отсутствия на столе конфетно-кондитерских изделий объявить, что мы — не сошлись с тобой характерами».

Дорогой Дорик! Только что начал я работу. Рассказ я пишу небольшой, — злата и серебра он принесет нам с тобой немного, но зато он сам будет светлый, как жемчужина».

Мы живем тихо. Питаемся очень просто — суп, молоко и картошка. Но больше — мне, например, ничего сейчас и не надо».

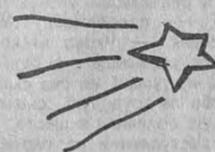
(Из Солотчи).

«...Еду на Одессу. Оттуда вылетаю по делам в Киев. Очень был огорчен, что не получил от тебя письма на Сухум. Вообще ты мне написала только одно письмо, и ввиду этого я начинаю подыскивать таких, которые своим мужьям пишут. Александр Ефремович уже обещал меня познать в Москве с одной девицей, ее зовут Варя, она двоюродная сестра Ольги Алексеевны и служит заместителем инспектора 1-го Госцирка».

Ал. Ефремович говорит, что она будет и писать и плясать. Кроме того, у нее есть патефон с пластинками и две пары мужниних сапог, как раз нужного мне размера».

Вот с какими приключениями мы путешествуем! Ал. Ефремович хотел сняться верхом на тигре, но тигр оказался злобным и укусил ему одну ногу...»

(Март — апрель 1940 года).

Р. И. ФРАЕРМАНУ.

«Где ты? Кого любишь? Кого ненавидишь? С кем и за что борешься? Что ешь и что пьешь?»

Я был в Ялте и Батуме. Летал в Кутаис, на обратном пути в Одессу... Я живу сейчас в домике на берегу моря. Здесь же меня кормят, усыпляют, умивают. Я работаю! Нужно в поте лица добывать трудовую копейку — это раз. Во-вторых, надо чем-то оправдывать свое существование перед богом, людьми, зверьями, перед разными воробей-птицами, соловей-птихами и также перед рыбой — карась, лещ, головель, плотва, окунь — а перед глупым ершом и перед злобной щучкой оправдываться мне не в чем».

В Одессе я пробуду, вероятно, еще с месяц. К этому времени работу думаю закончить. И знаешь — конечно, море прекрасно, — но скучаю же я по России. Где мой пруд? Где мой луг? «Где вы, цветики мои, цветили степные?» — всех я хороших людей люблю на всем свете. Восхищаюсь чужими домиками, цветущими садами, синим морем, горами, скалами и утесами».

Но на вершине Казбека мне делать нечего — залез, посмотрел, ахнул, преклонился, и потянуло опять к себе, в нижегородскую или рязанскую... Дорогой Рувак! Когда я приеду в Солотчу, я буду тих, весел

и задумчив. К этому времени у меня будут деньги. 100 000 рублей я заплачу Матрене, чтобы она за мой долг не сердилась, 50 000 — старухам, 250 рублей отдам Косте, которые я ему должен, 5 руб. дам тебе, а с собой привезу два мешка сухарей, фунт соли, крупный кусок сахара, и больше мне ничего не надо».

«...Рувим! На земле война. Огонь сплит глаза, дым лезет в горло, и гладный червь точит на людей зубы».

Весь и всем я обязан Гоголю, Гофману, Диккенсу и Марку Твену».

«До Стендала я боюсь дотрагиваться. Те бури и тот бешеный напор, под которым ходят и живут его люди, — понятны мне, но меня страшат и ужасают...»

(Из Одессы. 1939 год).

ДНЕВНИКОВЫЕ ЗАПИСИ

«...Война гремит по земле. Нет больше Норвегии, Голландии, Дании, Люксембурга, Бельгии. Германцы наступают на Париж. Италия на днях вступила в войну...»

(14 июня 1940 года).

«На земле тревожно. Греки неожиданно теснят в Албании итальянцев...»

Мучает меня совесть, а о чем — точно не знаю...»

Читал письма Толстого. Потом Щедрина. Ужаснулся — загрустил...»

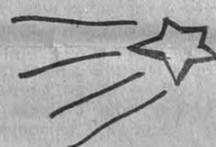
(27 августа 1940 года).

«Пасмурно, слегка тает. Прошлый год в это время я уезжал в Цхалтубо. Сижу — думаю. Раньше я был уверен, что все пустяки. Но, очевидно, я на самом деле болен. Иначе, откуда эта легкая ранимость и часто безотчетная тревога?.. Никак не могу понять и определить, в чем дело? И откуда у меня ощущение большой вины. Иногда оно уходит, становится спокойной, радостно, иногда незаметно подползает, и тогда горит у меня сердце и не смотрят людям в лицо глаза прямо».

(4 марта 1941 года).

«Купил и повесил на стену большую политическую карту Европы...»

(5 марта 1941 года).

«ДОРЕ

1) Документы военные старые разделить на две части — запечатать в разные пакеты».

2) В случае необходимости обратиться в Клину к Якушеву. В Москве — сначала посоветоваться с Андреевым («Пионерская правда»), потом в ЦК».

3) В случае, если обо мне ничего долго нет, справиться у Владимирову (К 0-27-00, добавочный 2-10) или в «Комсомолке» у Буркова».

4) В случае еще какого-либо случая, действовать не унывая по своему усмотрению».

Будь жива, здоровая! Пиши, не забывай! Твой Гайдар»

(Записка, оставленная Гайдаром жене перед отправкой на фронт).

ми: мы ведь и так уже знаем об этом человеке много, очень много. Порою больше, чем знаем о самых близких своих друзьях, родных и знакомых».

Я уж не говорю о том, что, читая дневники и письма замечательного человека, мы получаем редкую возможность постигать, как, каким образом он стал тем, кем стал. И всегда ли, во все ли часы и минуты своей жизни он был таким, каким мы узнали его по его книгам, стихам, картинам, мелодиям. Не зря Пушкин, — тот самый Пушкин, который призывал Вяземского не сожалеть о потере записок Байрона, — признался однажды, что нет для него занятия более увлекательного, нежели «следить за мыслями великого человека». А надо ли говорить, что письма и дневники щедро предоставляют каждому эту редкую возможность».

Впрочем, дело не только в мыслях».

Отрывки из писем и дневников Аркадия Гайдара, собранные тут перед вами, интересны как раз отнюдь не заключенными в них мыслями».

Эти отрывки интересны прежде всего удивительным, редкостным соответствием духовного облика писателя, запечатлевшегося в его книгах, и реального, бытового, отразившегося в его письмах и дневниках».

Говорят, что стиль — это человек. Но человек не всегда одинаков. И не со всеми он один и тот же. Если вы заглянете в письма Пушкина, Толстого, Чехова, Горького, вы увидите, что к каждому своему корреспонденту каждый из этих писателей поворачивается какой-то одной стороной своей личности. Есть такой жесткий закон переписки: письмо характеризует не только пишущего, но и того, к кому, оно обращено. Происходит не всегда преднамеренное, иногда невольное, но совершенно неизбежное приспособление к адресату».

Говорят, что стиль — это человек. Но человек не всегда одинаков. И не со всеми он один и тот же. Если вы заглянете в письма Пушкина, Толстого, Чехова, Горького, вы увидите, что к каждому своему корреспонденту каждый из этих писателей поворачивается какой-то одной стороной своей личности. Есть такой жесткий закон переписки: письмо характеризует не только пишущего, но и того, к кому, оно обращено. Происходит не всегда преднамеренное, иногда невольное, но совершенно неизбежное приспособление к адресату».

Письма Гайдара, которые вы сейчас прочтете, поражают тем, что автор их не меняется. Он всюду один и тот же».

Вот он обращается к двум маленьким девочкам, одной из которых пять, а другой семь лет:

«Вчера я поймал ежика. Очень веселый ежик. Выпил он целое блюдечко молока и слопал морковку...»

А вот фраза из письма к жене:

«Александр Ефремович хотел сняться верхом на тигре, но тигр оказался злобным и укусил ему одну ногу...»

А вот отрывок из письма, адресованного другу и собрату по перу, писателю Рувиму Фраерману:

«...Надо чем-то оправдать свое существование перед богом, людьми, зверьями, перед разными воробей-птицами, соловей-птихами и также перед рыбой карась, лещ, головель, плотва, окунь — а перед глупым ершом и перед злобной щучкой оправдываться мне не в чем».

Из этого, разумеется, вовсе не следует, что во всех своих письмах Гайдар писал преимущественно о разных пустяках: о ежиках, тиграх, карасях, ершах и прочей крупной и мелкой живности. То и дело касается он в своих письмах вещей серьезных, а иногда и трагических. Он говорит и о надвинувшейся на Европу войне, и о грядущих мировых потрясениях, близость которых он чувствовал всей кожей».

Стиль его писем и дневниковых заметок кристально ясен. Но это вовсе не значит, что сам он, как выразился однажды Маяковский, «постоянно ясен». (Помните? — «Тот, кто постоянно ясен, тот, по-моему, просто глуп.»)

Бывают у него и приступы дурного настроения, и моменты какой-то непонятной, необъяснимой тревоги, загадочной, странной тоски:

«...Откуда у меня ощущение большой вины? Иногда оно уходит, становится спокойно, радостно, иногда незаметно подползает, и тогда горит у меня сердце и не смотрят людям в лицо глаза прямо».

Но ведь правда же, вы и тут сразу узнали его голос. Узнали мгновенно — по интонации, по ритму, синтаксису, по дыханию фразы, по выбору слов, по характерным, только ему присущим оборотам и инверсиям...»

По этим письмам и дневникам видно, что и в самые горькие, самые отчаянные минуты своей жизни он оставался самим собой, оставался Гайдаром. Такой это был человек».

«...Прошлый год — в это время — я писал «Дальние страны». Теперь урывками пишу другую, назову ее вероятно: «Такой человек». Какой это человек? И кто этот человек? Это будет видно потом...»

(Из письма писательнице А. Я. Трофимовой. Владивосток. Лето 1932 года).

«...В нашем лесу живут настоящие волки, очень зубастые и хвостастые. А ночью на деревьях кричит птица филин — эллиин».

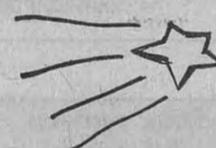
Здесь уже совсем тепло, выросли всякие цветочки — и желтенькие и синие, а красные еще не выросли».

Близко есть большое озеро, и в этом озере водятся всякие рыбины. Одну рыбку мы поймали, сжарили и слопали».

Вчера я поймал ежика. Очень веселый ежик. Выпил он целое блюдечко молока и слопал морковку».

Есть ли у вас в Москве ночью луна и звезды? Должно быть, нет — одни только фонари. А здесь у меня есть одно солнце, одна луна и сто и миллион звезд. Вот сколько много!..»

(Детям А. Я. Трофимовой, маленьким девочкам пяти и семи лет. Из Крыма).

«...Наше крымское путешествие довольно-таки стыдно это. Кто мне не напишет сейчас же, тому будут плохие дела. А кто напишет, тому всякие хорошие».

Я жив, здоров, очень много работаю. Если же вы меня забыли и прискиваете себе другого Аркадия, с бородею и золотым зубом, то тогда до свиданья, и я удаляюсь от вас в Африканскую страну и буду там лазить по деревьям вместе с обезьянами. Здесь у нас живут семь собак: Танька, Гришка, Муртик, Грозный, Кузька, Малявка и Бомба. И двенадцать кошек, а

Видели мы немало всяких чудес. Видели мы дерево толщину чуть ли не в нашу комнату. Видели мы камни вышиной с наш дом; видели мы рыбку длиной с наш коридор; видели

мы и золотых рыбок, которые на солнце так сверкают, что даже глаза зажмуришь. Видели хитрую лисичку, доброго ежика и злую змею, которая ползет под кустами, и все ее, проклятую, боится; лишь один ежик несколько не боится и даже может ей так наподдать, что она сразу сдохнет. Тут живет один старый дед в семьдесят семь лет; живет он со старухой на берегу моря и делает из ракушек хорошие коробочки. Я уже съел ему много ракушек и сегодня ходил смотреть. Он уже все сделал, только на крышки ракушек еще не хватило, и сегодня я опять полезу в море и наберу получше, тогда хватит...»

«...Возможно, что нам не придется с вами встретиться еще долго: дней десять, недели две или даже дней двадцать. Возможно, что вы без меня переедете уже в город. В таком случае, прошу вас, поклонитесь от меня сначала добрым людям Сергею Дмитриевичу и Елене Васильевне. Потом поклонитесь корове Рыжанке и старому коту Пушке Ивановичу, а также всем бабочкам, муравьям, жукам, цветкам, елкам, синему небу и светлым звездам — только проклятым осам не кланяйтесь. И еще прошу вас, не оставляйте на сиротскую долю нашего Киселяна Котеновича, потому что сам я круглый сирота и знаю, как плохо жить в круглом сиротстве...»

(Из пионерского лагеря Артек и из других мест Крыма).

«Здравствуйте, злые люди! Почему вы мне не пишете? Довольно-таки стыдно это. Кто мне не напишет сейчас же, тому будут плохие дела. А кто напишет, тому всякие хорошие».

Я жив, здоров, очень много работаю. Если же вы меня забыли и прискиваете себе другого Аркадия, с бородею и золотым зубом, то тогда до свиданья, и я удаляюсь от вас в Африканскую страну и буду там лазить по деревьям вместе с обезьянами. Здесь у нас живут семь собак: Танька, Гришка, Муртик, Грозный, Кузька, Малявка и Бомба. И двенадцать кошек, а